

Юань Бао оцепенел. Мысли его путались, а язык словно прирос к гортани — он совершенно не знал, как теперь оправдаться.

Будучи доверенным лицом государя, евнух ведал всеми дворцовыми тайнами. И пусть Хан Сиэнь не назвал его имени напрямую, Юань Бао понимал: смолчать сейчас — значит подписать себе приговор. Не произнося ни слова, он пал ниц и принялся истово бить челом о каменные плиты, моля безмолвным жестом заметить его непоколебимую верность.

Посмотрев на верного слугу, который, несмотря на преклонные лета, трясся от страха перед Хан Сиэнем, повелитель сжалился. Осадив его нетерпеливым взмахом руки, он велел прекратить это самоистязание:

— Сгинь с глаз моих, жди в стороне.

Резкий, ворчливый тон владыки едва не довел старика до слез облегчения. Это означало лишь одно: в глазах монарха он по-прежнему оставался преданным псом, не запятнавшим себя предательством. Повинуясь приказу, Юань Бао попятился назад и бесшумно забился в самый темный угол тронного зала, припав к полу.

Император проводил его взглядом, после чего обратил взор на Хан Сиэня. Устало подперев лоб рукой, он произнес:

— Хан Сиэнь, в твоих речах кроется слишком явный намек. Выкладывай, что у тебя на уме.

Склонив голову, юноша заговорил с предельной, почти пугающей искренностью:

— Ваше Величество, покорный слуга ни в коей мере не сомневается в честности евнуха Юаня. Однако прочие люди, входящие в ваши покои, подобного доверия не заслуживают.

Договорив, он скользнул ледяным взглядом по стоявшей неподалеку служанке.

Проследив за этим жестом, император удивленно приподнял брови и в упор посмотрел на девушку. Ань Ци поспешно опустилась на колени и ровным голосом произнесла:

— Это не имеет отношения к вашей рабыне.

На ее бледном лице застыла привычная маска холодного безразличия, однако в самой глубине расширившихся зрачков все же промелькнула тень панического страха.

И в этот миг государь отчетливо осознал: эта женщина ни капли не походила на покойного Ван Ина.

Ван Ин никогда не носил маску напускного высокомерия. Его гордость была вплетена в самую плоть и кровь, ослепительная, лишенная дешевого притворства. Он жил и действовал открыто, не ведая страха ни перед сильными мира сего, ни перед самой судьбой.

Когда-то, не желая мириться с тем, как властная Вдовствующая императрица пытается подмять под себя молодого правителя, именно он до последнего поддерживал законные права государя на престол. В том, что юный монарх вообще осмелился пойти против железной воли собственной матери, таилась заслуга его единственного возлюбленного.

Столько лет минуло с тех пор, как Ван Ина не стало. Цзи Ло успел вырасти и возмужать, а государь все это время сознательно пытался вытравить из памяти любые крохи воспоминаний о нем. Но сейчас старые раны разверзлись с новой силой.

Он вспомнил их первую встречу. Юноша стоял под сенью цветущего персика и, чуть прищурившись, смотрел на него издалека. Одного этого мимолетного взгляда хватило, чтобы навсегда пленить душу будущего владыки Поднебесной.

Воскресив в памяти тот гордый, независимый взор, император тихо вздохнул. Посмотрев на коленопреклоненную Ань Ци, он ощутил лишь глухое разочарование — фальшивка внезапно лишилась всякой прелести.

Хан Сиэня ничуть не заботили душевные терзания правителя. Его внимание было сосредоточено исключительно на служанке.

В последнее время девица проводила у ложа государя так много часов, что даже старый евнух начал всерьез опасаться за свое положение при дворе.

Но важнее было другое. Заместитель командующего Гао Фэн успел составить подробнейший секретный доклад о том, что произошло в восточном крыле усадьбы между принцами, Бай Энем и Хан Сиэнем, и незамедлительно передал его лично в руки государю.

В этом донесении, разумеется, во всех деталях приводились их споры и каверзные вопросы Хан Сиэня. Любой, кто обладал хотя бы каплей проницательности, сразу бы догадался: второй принц Цзи Жун всерьез заподозрил, что Бай Энь — родная кровь Благородной супруги Ши.

Прочитав отчет, император, вопреки ожиданиям, не выказал явного гнева при мысли о существовании бастарда у своей наложницы. И надо же было случиться такому совпадению: уже на следующее утро Благородная супруга Ши пала на колени перед троном, сознавшись в грехе материнства.

Разумеется, здесь не обошлось без вмешательства Ань Ци. Девушка ухитрилась краем глаза заглянуть в запечатанный свиток и поспешила пересказать его содержание Вдовствующей императрице. Ну а дальше в игру вступили старые дворцовые интриги между престарелой владычицей и наложницей Ши.

Вне всяких сомнений, решаясь на столь рискованный шаг, Вдовствующая императрица опиралась на сведения из похищенного доклада. Вернее сказать, вся эта интрига закрутилась из-за слов Хан Сиэня в восточном крыле, которыми он искусно ввел в заблуждение второго принца. Гао Фэн не осмелился утаить столь важную беседу от государя, и в итоге реакция монарха на слухи о бастарде — пусть и искаженная — была преподнесена заговорщикам на блюдецке. Хан Сиэнь фактически использовал честного воина как слепое орудие, чтобы передать нужные сведения в покои престарелой владычицы.

Клан Ши заблокировали гвардейцы, а Цзи Жун и Бай Энь томились под замком, охраняемые личными слугами этого безумца Хан Сиэня. Попытаться вытащить их силой было чистым самоубийством.

Понимая, что государь сквозь пальцы смотрит на тайное дитя своей наложницы, Вдовствующая императрица решила пойти ва-банк.

Выгори это дельце — и клан Ши, претерпев временные невзгоды, со временем вернул бы былое величие. Семейству Бай, конечно, грозила немилость владыки: Бай Цзюнь с родичами наверняка лишились бы чинов или отправились в ссылку, зато сам Бай Энь обрел бы высокое положение и остался невредим.

Но этот сумасброд Хан Сиэнь смешал им все карты. Никто во дворце не мог взять в толк, откуда у паршивца взялась дерзость собственноручно пустить себе кровь ради этой проверки. То ли он совсем страх потерял, то ли обезумел в погоне за высочайшей милостью.

И лишь Бай Шу с глухой яростью понимал: этот безумец вовсе не искал наград. Ему просто было плевать на саму жизнь.

Стряхнув нахлынувшие воспоминания, император ледяным тоном обратился к Ань Ци:

— Скажи-ка, девушка, не копалась ли ты в моих бумагах?

В его голосе сквозило отчетливое подозрение.

Как бы ни был нерешителен государь по своей природе, тратить терпение на рабыню, к которой он в одно мгновение охладел, монарх не собирался.

Служанка покачала головой, силясь оправдаться, но Хан Сиэнь бесцеремонно оборвал её на полуслове:

— Ваше Величество, этот мелкий вопрос может обождать. Куда важнее сейчас докопаться до истины: приходится ли Бай Энь сыном Благородной супруге Ши на самом деле?

При этих словах Благородная супруга Ши вскинула голову, в ее голосе зазвенели нотки отчаяния:

— У меня действительно родился сын! И это Бай Энь! Как ты смеешь сомневаться?!

Хан Сиэнь неспешно подошел к ней.

— В таком случае позвольте вашему покорному слуге спросить, — вкрадчиво проговорил он. — Если вы забеременели, отчего скрыли сей благословенный дар от государя? В каком именно месте прошли роды? И какими нитями вы привязали к себе господина Бая, раз почтенный чиновник, рискуя головой, согласился растить чужого бастарда как родного сына?

В любой другой день за подобную дерзость Хан Сиэнь поплатился бы головой, но сейчас несчастная женщина была так напугана, что едва держалась на ногах от накатившего ужаса.

Заметив, что супруг даже не думает прерывать допрос, Благородная супруга Ши судорожно вздохнула. На ее бледных губах заиграла вымученная, горькая усмешка:

— Когда до меня дошли слухи, что Его Величество не желает видеть детей, в чьих жилах течет кровь клана Ши, я осознала всю горечь своего положения. Путь к материнству для меня был закрыт навеки. Но женское сердце отказалось мириться с этой несправедливостью.

Она перевела полный немого укора взгляд на императора:

— Обнаружив дитя под сердцем, я затаилась, не смея издать ни звука. Во дворце даже желанные государю младенцы порой угасают, не успев родиться, так какая участь ждала плод его немилости? Под предлогом заботы о здоровье Вдовствующей императрицы я выпросила позволение уехать в Западную загородную резиденцию. Из-за вечного страха и бессонных ночей роды начались раньше срока. Что до господина Бая... я искала долго и тщательно. В те годы он терпел крах за крахом в чиновничьих кругах и, несмотря на бывшее расположение государя, прозябал в нищете. Без твердой опоры он бы бесследно сгинул. Я не могла отослать сына туда, где не сумела бы приглядывать за ним, но и привлекать лишнее внимание к младенцу было опасно. Семья Бай подошла идеально. Я наивно полагала, что со временем гнев повелителя утихнет, сердце его смягчится, и я смогу вернуть своего мальчика.

Ее признание звучало на удивление складно. Хан Сиэнь согласно кивнул, но тут же задал новый вопрос:

— Повесть ваша весьма трогательна, Благородная супруга. Однако получается, что вы отдали младенца с рук на руки прямо в день родов и более никогда с ним не встречались. Неужели ваше материнское сердце не терзалось страхом, что по дороге или в чужом доме с ребенком может приключиться беда?

— Я не смела видаться с ним, — запинаясь, вымолвила женщина, — но... но понимала, что это единственный способ уберечь его от гибели.

Оправдание вышло на редкость натянутым и неубедительным.

Хан Сиэнь прекрасно понимал истинную причину ее запинки: на самом деле за безопасностью мальчика неусыпно следили доверенные люди из клана Ши. Но сейчас, когда ее влиятельный род находился на грани опалы, женщина не смела даже упоминать имя своей семьи, страшась навлечь на нее еще больший гнев владыки.

Она искренне пеклась о благе своего рода. Увы, переступив порог запретного города, такие женщины неизбежно превращались в разменные монеты в жестокой игре между престолом и великими кланами.

Покончив с расспросами, Хан Сиэнь повернулся к трону:

— Ваше Величество, покорный слуга склонен верить искренности Благородной супруги Ши. Однако если все обстояло именно так, то подлог с чашей для омовения крови совершенно не укладывается в ее изначальный замысел. Раскройся этот обман — и путь к признанию для Бай Эня закрылся бы навсегда, а саму ее ждала бы кара за дерзкое святотатство перед лицом государя.

Тот очевидный факт, что без его собственного бесцеремонного вмешательства подмена сошла бы заговорщикам с рук, юноша скромно обошел молчанием.

— «Склонен верить»? «Не укладывается»? — с сомнением процедил император, пробуя на вкус эти расплывчатые фразы.

Ни капли не смутившись, Хан Сиэнь почтительно поклонился:

— В те годы ваш слуга был слишком мал, дабы ведать истину. Однако смею предположить, что все подробности этой истории доподлинно известны Вдовствующей императрице. Столь грандиозный заговор наложница никак не могла провернуть втайне от августейшей свекрови — ведь без ее незримой защиты тайна никогда бы не укрылась от вашего пронизательного взора.

От подобной наглости у государя дернулся уголок рта. Сама Благородная супруга Ши до сей поры старательно избегала упоминать имя Вдовствующей императрицы. Вот только ее

молчание едва ли могло заставить присутствующих позабыть о главной фигуре в этой шахматной партии.

Престарелая владычица смерила юношу величественным, невозмутимым взглядом:

— Судя по твоим дерзким речам, ты полагаешь, будто за ниточки здесь дергала старая женщина, и вознамерился учинить мне допрос?

— Низжайше прошу простить вашего слугу, я бы никогда не посмел, — с безупречным почтением отозвался тот. — Но неразрешенные сомнения так терзают мою душу, что я лишился и сна, и покоя.

— Коль скоро ты заводишь речь о терзаниях, преград для твоей дерзости не существует вовсе, — сухо усмехнулась государыня. — Что ж, раз Его Величество молча потворствует твоим бесчинствам, спрашивай. Я отвечу на все, дабы унять твое беспокойство.

Пользуясь столь щедрым дозволением, Хан Сиэнь не упустил шанса:

— Благодарю за милость, великая государыня. Смею спросить: ведали ли вы о беременности Благородной супруги Ши с самого первого дня?

— Ведала, — обронила та, полуприкрыв веки. — Мой сын с юных лет затаил обиду на собственную мать за излишнюю строгость и перенес эту неприязнь на весь клан Ши. Кому, как не мне, было знать: он ни за что не позволит явиться на свет дитяти с нашей кровью.

— Позвольте сделать еще один дерзкий шаг, — Хан Сиэнь устремил на престарелую правительницу твердый, испытующий взгляд. — Сей долгожданный плод в лоне Благородной супруги... не вашей ли волей он был зачат?

Вместо ответа государыня лишь презрительно отвернулась, храня ледяное молчание.

Однако Хан Сиэнь и не думал отступать. На его губах заиграла едва заметная улыбка:

— Раз Вдовствующая императрица хранит молчание, ваш слуга сочтет это за подтверждение своих слов. Меня лишь удивляет иное: отчего вы позволили отдать дитя именно в дом господина Бая? Ведь это столица, подножие трона! Случись младенцу унаследовать черты лица Его Величества, обман раскрылся бы при первой же случайной встрече на улице. Разве это не погубило бы все ваши многолетние труды?

— Манеры и выправка Бай Эня безупречны, — продолжал юноша, чеканя каждое слово. — Благородством осанки и знанием этикета он едва ли уступает законным принцам. Очевидно, вы с самого начала готовили его к триумфальному возвращению в родные чертоги. И все же мой вопрос остается прежним: почему выбор пал именно на господина Бая? К тому же, как

только что изволила признаться Благородная супруга, роды в Западной загородной резиденции случились задолго до срока. Действительно ли рожденный ею младенец остался жив?

Хан Сиэнь разыграл эту безмолвную сцену как по нотам. Едва он умолк, как с высоты престола раздался ледяной, рокошующий голос монарха:

— Хан Сиэнь, довольно ходить вокруг да около. Говори прямо, к чему ты клонишь.

Юноша скользнул взглядом по престарелой государыне, затем посмотрел на императора и, наконец, обратил взор на распростертых перед тронном Бай Цзюня и Бай Эня.

Опустив ресницы, он произнес ровным, лишенным малейших эмоций голосом, и каждое его слово падало в тишину зала со звоном брошенной монеты:

— Дело в том, что ваш покорный слуга внезапно обнаружил странное сходство. Черты лица молодого господина Бай Эня действительно напоминают лик Вашего Величества... однако в то же время в них отчетливо проглядывает сходство с самим господином Баем.

— Вернее сказать, в его облике причудливо смешались черты великой государыни и почтенного господина Бая.

Для тех, кто безмолвно ниц лежал на каменном полу, эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. В головах же случайных свидетелей вроде старого евнуха Юань Бао в этот миг билась лишь одна безумная мысль: неважно, истина это или чудовищная ложь, но выйдет ли хоть кто-то из этого зала живым после того, как завеса столь страшной тайны была сорвана?

<http://bllate.org/book/20088/2002061>